

«...Имоуто-тян...»

«Я здесь, Ни-тян». Маленькая рука легла на мою.

«Спасибо, - слабо сказала я, - ты спасла меня... дважды...»

«Да, ну...» По ее голосу я поняла, что она покраснела. «Тебе пришлось потерять сознание на другой стороне территории? И, черт возьми, ты хоть знаешь, какая ты тяжелая?» Я краем глаза изучал лицо Ханаби: хотя она изо всех сил старалась говорить как обычно, она все еще была слегка бледна.

«Не моя вина... ты такой коротышка», - поддразнил я ее, получив в ответ небольшую, короткую улыбку. Я огляделся. «Это... твоя комната... Как ты меня сюда затащил...?» пробормотал я.

«Я несла тебя на спине», - сказала она с ноткой гордости за свой подвиг. «Я ждала, пока не стало поздно и отец не уснул, а потом выскользнула из своей комнаты, чтобы забрать тебя. Конечно, никто из тех, кто нас видел, не стал меня беспокоить, но они и не пытались помочь». Она нахмурилась. «Я даже не стала просить кого-то из них нести тебя - они бы наверняка «случайно» уронили тебя или еще что-нибудь..... Как только я доставила тебя сюда, я вышла и приказала одному из наших медиков осмотреть тебя. Он пожаловался старейшине и был оправдан. Очевидно, отец заявил ранее, что никто не должен мешать вам помогать, но никто не должен.... В любом случае, я просто сделала все возможное, чтобы оказать первую помощь Академии, так что вам нужно обратиться к врачу».

Она встала, и мой взгляд переместился с потолка на нее. Я впервые заметил темные пятна красного цвета на левой стороне ее белой рубашки.

Я быстро повернула голову в ее сторону, пытаюсь, не думая, сесть. Глаза закрылись, когда из моего горла вырвался розовый звук боли. Ханаби мгновенно оказалась рядом со мной на коленях и помогла мне медленно лечь на спину. «Что случилось, что такое?» - испуганно спросила она.

«Ханаби», - зашипела я, ярость в моем голосе придала ему совсем незнакомый оттенок. «Они тебя обидели?!» потребовал я сквозь зубы.

Она проследила за тем, как я смотрю на пятно, и покраснела, заметно поморщившись. «Пока я тебя несла, ты... кашлял во сне...»

«О... Гомен... за мою вспышку». Это была моя кровь, а не ее. Я знал, как ее беспокоит вид жизненной жидкости; это был секрет, которым она делилась только со мной. Должно быть, она очень беспокоилась обо мне, раз пришла сюда и не сразу переделалась в забрызганную кровью рубашку.

«Ничего страшного», - отмахнулась она от моих извинений, а скорее всего, от мыслей, которые она угадала и уловила по моему лицу - мы с Ханаби отличались удивительной способностью делать это друг с другом. «Теперь тебе нужно лечение. Поскольку медики из Хьюги не помогут, остается больница Конохи. Ты можешь двигаться?»

Очень медленно она помогла мне сесть. Множество синяков уже не так болезненно пульсировало, должно быть, Ханаби нанесла какую-то мазь. Через минуту я уже лежала на ее спине, свесив ноги к полу из-за разницы в размерах. Она направилась к выходу из поместья (к счастью, недалеко).

«Я тут подумала... - начала она, - твой товарищ по команде, Абураме-сан, живет всего в полумиле отсюда, верно? Охранники наверняка откажутся пускать гостя, чтобы помочь вам... так что если, как только мы окажемся на улице, я оставлю вас и позову его? Больница далеко, но он легко сможет тебя донести».

Я надеялся, что она не заметила, как я вздрогнул при слове «Абураме-сан».

«Шино-кун... уехал на миссию...»

«Нет, не уехал».

Врать Ханаби было практически бесполезно; иногда мне приходилось ненавидеть наш сверхъестественный талант. Но она не стала настаивать, уловив в моем голосе едва заметную тревогу и боль от этой темы.

«Киба-сан не так уж далеко, значит...»

«Аригатоу... снова», - с благодарностью сказал я.

«Не то чтобы я могла просто оставить тебя, - сказала она, - особенно потому, что в таком состоянии ты можешь... не... пережить запечатывание».

Когда до меня дошло, я была рада, что она не видит моего лица.

Утро. ПЕЧАТЬ в клетке.

Она поняла мое молчание. «Все будет хорошо», - утешительно прошептала она, и на мгновение мне показалось, что я - младшая сестра.

Когда капли воды беззвучно начали падать на нее, она почтительно молчала.

Я снова перевернулся на диване. Я не мог уснуть не потому, что лежал на диване, а не на своей кровати - на что я потратил пять минут, вежливо споря и настаивая на том, чтобы Наруто воспользовался ею, прежде чем он согласился. Я провел достаточно миссий, чтобы вполне комфортно устроиться на полу.

Вздыхнув от поражения, я снова потянулся к фоторамке, которая лежала лицом вниз рядом с лампой на маленькой подставке. Каждый раз, когда я клал ее на пол, я обещал себе больше не смотреть на нее, но каждую ночь смотрел, а наутро отжимался шестьсот раз, как по команде.

На фотографии я стоял слева, одной рукой обнимая Неджи за плечи, а другой показывая камере большой палец вверх, горделиво принимая позу хорошего парня. Неджи хмурился, сузившиеся глаза смотрели куда-то вдаль, а руки были скрещены. Справа Тентен протягивал Неджи ушки зайчика, при этом оживленно улыбаясь. Гай-сенсей положил руку мне и Тентену на плечи и наклонился так, что его лицо оказалось между моим и Неджи, а сам он подмигнул и сверкнул лучезарной улыбкой.

Мое лицо еще больше опустилось, когда я вспомнил сцену годичной давности. «Я скучаю... по тем временам», - пробормотал я, сжимая пальцами деревянную раму. Через минуту я, не глядя, протянул руку, чтобы поставить ее обратно на подставку; она выскользнула из моей руки, ударившись о край.

Сбросив с себя одеяло, я в одно мгновение оказался на диване и поднял фотографию.

Стекло треснуло.

На мгновение я уставилась на него.

Затем полились слезы, с которыми я боролась всю неделю. Я вынула фотографию из рамки и дрожащими руками начала собирать осколки разбитого стекла. «Если я еще раз взгляну на эту картину, чтобы поспособствовать еще большей немолодой хандре, я получу восемь хун...!»